

Александр Боголюбов
**«Очень искренний
рассказ»**

ISBN–13: 978-1-4457-5903-6

УДК: 1751

Издано:

Независимым Издательством

Москва 2024

Предисловие.

Я не рассказывал об этом двадцать пять лет. Редкие попытки поделиться с кем-то убедили меня, что этого делать не надо. Во-первых, мне просто не верили. А во-вторых, рассказывая, я чувствовал, что постепенно теряю ценное состояние, которое приобрёл. Возможно, что, потрясённый случившимся, я был слишком эмоционален и выглядел не совсем адекватно.

Когда-то давно, когда мне было лет двадцать, я сказал себе, что у меня не будет детей, пока я не узнаю, как им объяснить смысл их жизни. Поскольку сам считал жизнь бессмысленной, если её рассматривать как жизнь отдельного человека, а не человечества вообще. Зачем учиться, развиваться, что-то приобретать, кем-то пытаться стать, соблюдать законы, нормы – если всё это умрёт, исчезнет для меня, когда умру я сам? Примерно так я рассуждал.

И теперь, когда мои дети подросли, у них возникают вопросы, и пришло время давать ответы. О самом смысле говорить толку мало, каждый должен понять его сам. Я могу лишь на примере своего опыта подсказать то направление, в котором его нужно искать. Но когда я рассказывал друзьям какие-то части своей истории, у слушателя непременно возникал вопрос – а зачем, а с чего вдруг? На самом деле без дополнительных разъяснений всё выглядело или фантазией, или безумием. Приходилось каждый раз освещать предысторию, а затем предысторию предыстории, рассказывать всё целиком... Поэтому я и решил рассказать обо всём с самого начала.

Об авторе

Об авторе здесь

Оглавление

Глава 1. Конец.....	5
Глава 2. Голод.....	7
Глава 3. Waw!.....	11
Глава 4. Первый шаг	16
Глава 5. Минус тридцать пять	19
Глава 6. Жесть!.....	22
Глава 7. Между небом.....	25
Глава 8. Ум за разум	32
Глава 9. Прорыв	36
Глава 10. Начало	44
Заключение.....	47
Контакты Автора	48

ГЛАВА 1. КОНЕЦ.

Всё, что я сейчас скажу, есть правда. Всё произошло со мной на самом деле, как бы невероятно это ни выглядело.

Сложно выбрать, с чего начать, поскольку все сколь-нибудь важные события, случившиеся в моей жизни, прямо или косвенно готовили меня к тому, что произойдёт со мной в 1993 году. Прошло уже двадцать пять лет, но это было настолько сильно, что кажется – всё случилось только что.

Начну с музыкального училища.

Про само училище говорить особо нечего. Такое есть в каждом областном центре. Поступил я туда в двадцать три года на факультет академического пения. Отслужив в армии и отработав пару лет на заводе, захотелось мне славы. Я в то время не верил ни в Бога, ни в чёрта, ни в партию, ни в правительство и писал рок-песни, что называется, против всех. Хотел стать мега-звездой мирового уровня, ну, или хотя бы государственного. Рассчитывал поставить голос. И поставил бы, если б не один досадный нюанс – хронический насморк.

Из-за него я не мог брать высокие ноты: забитые лобные пазухи просто не резонировали. Что касается его лечения, то мама ещё во время моего детства-юношества безуспешно перепробовала все официальные и народные средства, и я к нему просто привык и не обращал особого внимания. До тех пор, пока наш фониатр во время очередного осмотра не вынесла страшный приговор, от которого у меня подкосились ноги, и «небо стало чёрным». Она сказала: «Ну что, друг, солистом тебе не стать, будешь всю жизнь петь в хоре. Разве что ещё одно средство попробовать». «Какое?» – с надеждой спросил я. Её ответ вывел меня из ступора: «Долбить череп!» – улыбнулась она. Ухватившись за этот жуткий лучик надежды, мелькнувший в «чёрном небе», я согласился.

Это оказалась процедура по расширению лобных пазух. В отделении хирургии, куда я лёг по направлению от училища, меня посадили на кресло, привязали ремнями руки-ноги и вкололи местную анестезию. Через пять минут ко мне подошёл здоровый мужик в белом халате. В левой руке – зубило, в правой – молоток. И со словами: «Ну-с? Начнем?» воткнул мне зубило в нос и принялся со всей дури бить по нему молотком...

Не буду описывать, что происходило с моей головой, но отходняк шёл неделю. От нечего делать я бродил по коридорам больницы и наткнулся на занимательный стенд во всю стену. На нём было прикручено всё, что достали хирурги из желудков пациентов. Там можно было стоять часами и удивляться возможностям человеческого организма. Не хватало только кнопки «сортировать» с выпадающим меню: по возрасту, по профессии, по глупости. Соски, машинки и всякие пупсики — это дети на вкус пробовали и случайно проглотили; ложки, вилки и ножи – наверное, повара; ножницы, иголки и пуговицы всех мастей – швеи и портные обедали, а плоскогубцы и гаечные ключи – может, слесаря закусывали. Вот к какой категории отнести замки всех размеров? Разве что молодожёны союз закрепляли?

Что касается перенесенной мной «пытки», результат был в прямом смысле налицо: насморк исчез, и после выписки я начал петь как Робертино Лоретти, Лучано Паваротти и Фредди Меркьюри вместе взятые. Я был счастлив. Мой преподаватель был счастлив. А через полмесяца хронический насморк вернулся, и у преподавателей опустились руки.

ГЛАВА 2. ГОЛОД

Но не у меня. Отработав сезон в хоре Екатеринбургского оперного, вдоволь напевшись Бориса Годунова, я решил-таки победить эту «сопливую» преграду, что отделяла меня от мировой славы.

Поскольку все нормальные способы были исчерпаны, в ход пошли экстремальные.

Закончив первый курс, я устроился поработать на лето на металлургический завод, и меня тут же послали на неделю в колхоз убирать турнепс. Там, отлёживаясь вечерком после очередной коллективной драки с местными на дискотеке, я и наткнулся на какую-то статью в газетке про Поля Брэгга и его систему голодания. Впечатлившись, немедленно приступил к действиям.

Чтоб отрезать пути к отступлению, с утра объявил всей бригаде, что отныне я вегетарианец и не буду есть сутки. Первая голодовка давалась очень непросто: мало того, что жутко болела голова и хотелось есть, вся бригада из двадцати человек издевалась и потешалась надо мной как могла. Я кое-как дождался ночи, и когда все уснули, полез в тумбочку за пряниками. Но как только я начал их уплетать, раздался гром хохота. Все повскакивали и ржали надо мной, но я, не обращая внимания на их издёвки, всё пихал и пихал пряники в рот.

Через пару недель я уже голодал на сухую без питья, а ещё через месяц голодал по средам и пятницам. Затем было трое, далее пять суток без еды и воды и, наконец, десятидневная голодовка, разбитая на две части: пять дней всухую плюс пять с водой. Несмотря на голод, сил было немерено. Помню, как на седьмой день голодовки махал кувалдой,

забивал сви в каком-то цехе. В таком режиме я прожил два года: двое суток голодал каждую неделю и десять суток – один раз в три месяца. Надо заметить, что все остальные практики, которые я опишу далее, проходили не одна за другой, а накладывались, как слои пирога, друг на друга, и все они проходили в эти же два года.

В голоданиях самое тяжёлое было – это первые три дня и выход из голодовки. Вообще из-за того, что у меня не было никаких инструкций и наставников, многое делал неправильно. Я не знал, что перед голоданием нужно сделать клизму, и мучился от самоотравления, а во время выхода вообще ел всё, что угодно и в итоге получал длительные расстройства пищеварительной системы. Отсутствие животного белка – так же по незнанию – не компенсировал растительным и получил проблемы с зубами. Но самое обидное было то, что насморк затихал только на время голодовки, а после возвращался. Но русские не сдаются, и я упорно продолжал биться сам с собой.

Хотя биться приходилось не только с собой. Девяностые годы – время смутное: банды на улицах перестреливаются, делят сферы влияния. Приходилось заниматься у-шу, тхэквондо, кикбоксингом. Во время учёбы я снимал комнату то в одном районе, то в другом. И вот угораздило меня снять комнату в полицейском доме. Хозяйка так и говорила: «У нас тут всё РУВД живёт, так что бояться нечего, только саму милицию!». Зря она так шутила... А может, и не шутила вовсе?

Начальник управления, который жил тремя этажами ниже, держал всё под контролем и периодически проверял, кто тут заселился – так, на всякий случай. И вот, через пару дней, как я въехал, слышу грохот в дверь. Выхожу из комнаты и вижу испуганную хозяйку в прихожей. Спрашиваю

через дверь: «Кто там?» А в ответ мат-перемат: «Открывай.....! Сейчас...! Узнаешь, кто там!». «Это начальник УВД», – узнала хозяйка, и, судя по голосу, он был очень нетрезв, а судя по ударам в дверь, был большой и сильный.

Трезво оценив ситуацию, я предложил ему прийти утречком на свежую голову. «Я..... тебе сейчас ...самому голову...оторву!!!» – заорал блюститель порядка и принялся пинать в дверь. Как я пожалел, что дверь была одна, и та не железная, да ещё и открывалась внутрь! После пятого удара нижняя половина начала прогибаться после каждого пинка. Я навалился на неё, чтоб она совсем не отвалилась, и так держал, периодически меняя отбитые бока. Хозяйка в это время кричала в вентиляцию, звала на помощь. Городского телефона у неё не было, а о сотовых в то время вообще не слышали.

Через пятнадцать минут неожиданно всё стихло. «Подозрительно быстро он сдался...» – подумал я. И был прав: минут через пять боец подзаправился спиртным, вернулся и возобновил осаду с новой силой. Но характер и звук ударов стал очень напоминать работающего дровосека. Резонно рассудив, что глупо отбивать себе пятки, глава управления милиции притащил топор и начал прорубать себе окно в нашу «Европу». Пока я прикидывал, чем буду защищаться от этого разъярённого викинга, на площадке открылась дверь. Видно, звуки летящих щепок, наконец, пробудили любопытство соседей. «Ну все, мучения кончились, я буду жить!» – обрадовался я. Но сосед был из того же РУВД. И колесовать меня хотел его начальник. «А, это вы, Михалыч, разминаетесь? – промямлил сосед. – Извините, не буду мешать». И закрыл дверь.

В продолжении жизни обозначился жирный и большой вопрос. Уже час я подпирал болтающуюся дверь. Наконец Михалыч устал махать топором и, бросив его у истерзанной двери, сел в лифт и поехал, как я подумал, за новой порцией алкоголя. Я сидел на полу, прижавшись ухом к двери, карауля, когда лифт привезёт обратно этот ночной кошмар. Как ни странно, лифт то проезжал мимо, то двери открывались, но никто не выходил. В полном замешательстве, вздрагивая каждый раз, когда жужжал лифт, я так и просидел всю ночь...

Как выяснилось утром, Михалыч бросил топор не из чувства раскаяния или понимания содеянного, а просто он пошёл к себе домой за табельным пистолетом. Дома он передёрнул затвор, принял ещё на грудь и, полный решимости покончить с преступником в моём лице, шагнул в лифт. Но выпито было столько, что кнопки этажей начали расплываться. Сделав пару десятков безуспешных попыток попасть на нужный этаж, начальник управления милиции, вконец обессиленный, так и уснул в лифте с пистолетом в руке.

Поутру весь личный состав, который служил в том же отделении и проживал в этом же доме, осторожно перешагивал через своего начальника и, как ни в чем не бывало, ехал на службу. Надо отдать должное Михалычу: он пришел на следующий вечер и пытался починить сломанную пополам и изрубленную в хлам дверь. Я же, не особо веря в искренность и устойчивость его благих намерений, перекантовался пару ночей на матах в спортзале училища, а потом нашёл себе другое жильё, где никто не прыгал на меня с топором во время моих голодовок.